

ДЗ
17487

И. А. ПОКРОВСКИЙ.

СИЛА ИЛИ ПРАВО?

Отдельный оттиск изъ журнала «Юридический Вѣстникъ» 1914 г.,
кн. VII—VIII.

Слѣбу

МОСКВА.—1914.

Ист. нр
п-48

Дорогому
Михаилу Александровичу

отъ автора

12. XII. 1914.

И. А. ПОКРОВСКИЙ.

СИЛА ИЛИ ПРАВО?

220110 Ист. 44.

Отдельный оттискъ изъ журнала «Юридическій Вѣстникъ» 1914 г.,
кн. VII—VIII.

СЛОВА

МОСКВА.—1914.

СПбГУ

Типографія Г. Лиснера и Д. Совко.
Москва, Вязьменка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Сила или право?

Свершается то, чему умъ человѣческій отказывался вѣрить. Мiръ сотрясается отъ грохота небывалой войны, подѣлившей чуть не всѣ народы на два враждебныхъ лагеря; ожесточенiемъ и ненавистью наполнена вся духовная атмосфера, и кажется, что только грубая физическая сила бѣшено носится по мiру, творя безумное дѣло всеобщаго разрушенiя. Забыто все то, что еще такъ недавно и, казалось, такъ прочно соединяло культурные народы Европы; забыты исканiя правды, забыта наука, заброшено искусство, и прахомъ разлетѣлось то внѣ-національное единство, которое такъ тщательно и бережно вырабатывалось на почвѣ этихъ исканiй. Исчезло понятiе «человѣчества»; отъ него остались только судорожно истребляющiе другъ друга, сочащiеся кровью, разорванные клочки.

Сатана можетъ быть доволенъ, и его злорадный хохотъ носится уже надъ землею. Гдѣ ваше общечеловѣческое стремленiе къ правдѣ, слышится въ этомъ хохотѣ, гдѣ ваши мечты о царствѣ Божiемъ? Посмотрите: уже самые культурные народы изъ васъ плюютъ другъ на друга и истекаютъ взаимной ненавистью! Гдѣ ваше знанiе? Оно на службѣ у великаго искусства человѣко-истребленiя: посмотрите, какъ великолѣпно организовало оно человѣческiя бойни на землѣ, подъ землею и надъ землею, на водѣ и подъ водою! Вотъ ваша подлинная человѣческая природа: достаточно одного небольшого толчка, и «образъ Божiй» слетаетъ съ васъ, обнаруживая вашу истинную неподкрашенную сущность. Не Божiй, а мой образъ носите вы на себѣ, и правъ былъ только тотъ изъ вашихъ мыслителей, который сказалъ, что вы волки другъ другу...

Больно за человѣчество, но попытаемся разобраться въ томъ, что происходитъ.

Во имя чего идетъ война? Что подѣлило воюющихъ? Какiе-нибудь случайные конфликты интересовъ?

Чувствуется, что случайность въ настоящiй моментъ играетъ роль самую минимальную, что въ основѣ всего лежитъ нѣчто глубокое, органическое.

Но въ чемъ оно заключается? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ разнo, и возможно, что это различіе въ отвѣтахъ въ значительной степени проистекаетъ изъ самой сложности или, лучше сказать, многогранности того явленія, которое послужило причиной мірового конфликта.

Но если мы упростимъ эту сложность, синтетизируемъ эту многогранность, то, думается намъ, мы получимъ основной жизненный нервъ современной трагедіи въ одномъ великомъ вопросѣ: быть ли силѣ господиномъ въ между человѣческихъ отношеніяхъ, или же она должна подчиниться такимъ или инымъ высшимъ, этическимъ началамъ? Сила или право должна опредѣлять международную жизнь?

Конечно, государства самостоятельны и суверенны, но значить ли это, что каждое изъ нихъ въ отношеніяхъ къ другимъ можетъ дѣлать все, что захочетъ и что окажется въ силахъ осуществить? Конечно, надъ государствами нѣтъ никакой высшей юридической власти, но значить ли это, что надъ ними уже и ничего нѣтъ?

И вотъ вся бѣда человѣчества заключается въ томъ, что еще весьма распространенъ взглядъ, который дѣйствительно отвѣчаетъ «нѣтъ». Единственнымъ критеріемъ международной политики являются интересы государства, т.-е. государственный эгоизмъ; единственнымъ мѣриломъ осуществимости этого эгоизма служить сила.

И взглядъ этотъ исповѣдуется не только такими практическими политиками, какъ напр. Бисмаркъ, но и многими теоретиками соціальной науки.

Такъ напр. Schollenberger¹⁾, изслѣдуя общіе принципы политики, диктуемые современнымъ «Staatsraison», приходитъ къ полному противоположенію «Privatmoral» и «Staatsmoral»: въ первой, говорить онъ, основнымъ принципомъ является «Rücksicht auf andere», межъ тѣмъ какъ во второй «Rücksicht auf sich selbst».

Высшая нравственная обязанность государства, говорилъ Treitschke²⁾, заключается въ томъ, чтобы развивать свое могущество; худшій порокъ государства — его слабость. Поэтому лучшая проба этого могущества, война, составляетъ «die Politik κατ' ἐξοχήν». ³⁾

Побѣдоносная война, говорить Erich Kaufmann⁴⁾, составляетъ настоящій «соціальный идеаль», къ которому естественно стремится вся совокупность государственной жизни.

¹⁾ Politik in systematischer Darstellung. 1903. S. 43.

²⁾ Цитировано у Schollenberger'a l. cit.

³⁾ См. у Radbruch, Grundzüge der Rechtsphilosophie. 1914. S. 137.

⁴⁾ См. у Radbruch. l. cit.

Политическіе вопросы, заявляетъ небезызвѣстный социологъ, оиъ же покойный Австрійскій генераль, Ratzenhofer¹⁾, суть всегда вопросы силы, и если они иногда рѣшаются иначе, чѣмъ силой — напр. посредствомъ договора или третейскаго суда, — то по соображеніямъ не этическаго, а чисто утилитарнаго характера. Никакая мораль въ мірѣ, никакія требованія гуманности не заставятъ сильнѣйшаго отказаться отъ вѣрныхъ плодовъ побѣды надъ слабѣйшимъ. Конечно, человечество идетъ постепенно къ состоянію продолжительнаго мира, но этотъ миръ явится результатомъ не цивилизаціи или нравственнаго развитія, а изсяканія природныхъ силъ или уменьшенія поводовъ для конфликтовъ. Во всякомъ случаѣ, заключаетъ оиъ какъ бы съ нѣкоторымъ облегченіемъ, пока-что мы еще далеки отъ этой стадіи, и проповѣдуемая «женщинами обоого пола» идея всеобщаго мира является вздорной фантазіей, характерной для современнаго «декадентнаго гуманизма».

Свое теоретическое обоснованіе это воззрѣніе думаетъ пайти въ идеѣ борьбы за существованіе, свое этическое оправданіе въ тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ для человечества, которыя эта борьба вызываетъ.

Борьба за существованіе, говорятъ намъ, есть общій законъ міра и необходимый факторъ прогресса. Мы знаемъ, что подъ ея вліяніемъ совершилась эволюція всего живущаго отъ низшихъ органическихъ формъ къ высшимъ, происходилъ естественный отборъ лучшихъ, наиболѣе сильныхъ и наиболѣе приспособленныхъ экземпляровъ каждаго вида. Отъ этого закона не изъято и человечество, и для него борьба за существованіе являлась и является наиболѣе вѣрнымъ факторомъ усовершенствованія. Жизнь народовъ есть также непрестанная борьба за существованіе, и результатомъ этой борьбы является улучшение человѣческаго типа: нація слабыя неизбежно отпадаютъ, уступая свое мѣсто націямъ сильнымъ и жизнеспособнымъ. Наиболѣе яркимъ моментомъ этой борьбы за существованіе является война; въ ней передъ лицомъ исторіи происходитъ судъ надъ народами, и каждый народъ долженъ доказать свое право на существованіе. Если вообще борьба за существованіе есть непремѣнный факторъ прогресса, т. е. благо, то таковымъ же благомъ является и война. Конечно, она сопровождается бѣдствіями и гибелью множества людей, а иногда и цѣлыхъ народовъ, — но таковъ законъ природы: природа требуетъ жертвъ, но цѣною этихъ жертвъ создается новое, лучшее, болѣе сильное и болѣе могущественное человечество. Война, го-

¹⁾ G. Ratzenhofer, Sociologie. 1907. S. 108.

вориль знаменитый побѣдитель французовъ въ 1870—71 гг. Мольтке, есть неотъемлемый членъ Божьяго мірозданія — «ein Glied in Gottes Weltordnung»¹⁾. «Сила есть и всегда будетъ непремѣнной функцией соціального развитія», повторялъ за нимъ упомянутый генераль — социологъ Ratzenhofer²⁾.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собой нѣкоторое цѣльное міросозерцаніе, претендующее на извѣстный научный, соціологическій фундаментъ и на извѣстное этическое оправданіе. И если на заявленіе о необходимости соблюдать нейтралитетъ Бельгій германскій канцлеръ отвѣтилъ, что для германской имперіи высшимъ закономъ является ея интересъ, то въ этомъ сказалось не простое нежеланіе объясняться, а именно указанное цѣльное міросозерцаніе — «Rücksicht auf sich selbst».

И вы чувствуете, что опираясь на это міросозерцаніе, сила выступаетъ предъ вами съ гордо поднятой головой, съ сознаниемъ своей правоты и нѣкоторой благодѣтельной, высшей миссіи. Вы чувствуете, что въ лицѣ этого міросозерцанія на васъ идетъ какой-то маниакъ силы, для котораго нѣтъ никакихъ законовъ, никакихъ сдержекъ, который не знаетъ ни жалости, ни пощады, который возмнилъ себя орудіемъ самого Бога, осуществляющимъ судъ Божій надъ людьми и народами. И когда вы смотрите въ фанатическіе глаза этого маниака, вооруженнаго съ ногъ до головы, васъ охватываетъ ужасъ за человѣчество: кровью будетъ залита дорога, по которой онъ пройдетъ.

Но есть ли хоть тѣнь правды во всемъ томъ, что составляетъ «идеологию» этого маниака; проченъ ли тотъ соціологическій и этический фундаментъ, на который его міровоззрѣніе опирается? Конечно, борьба за существованіе служила факторомъ развитія организмовъ; конечно, подъ ея вліяніемъ человѣкъ сталъ человѣкомъ, сплотился въ общества, создалъ государства и культуру. Но слѣдуютъ ли отсюда все тѣ дальнѣйшіе выводы, которые дѣлаются?

Конечно, борьба за существованіе въ смыслѣ борьбы съ внѣшними явленіями природы, съ дикими звѣрями и т. д. необходима; но точно такой же ли неизбѣжный законъ природы составляетъ борьба членовъ одного и того же вида между собой?

Любопытно въ этомъ отношеніи собственное признаніе Ратценгофера: борьбы между собой, говоритъ онъ, за исключеніемъ случаевъ половыхъ аффектовъ, животныя не знаютъ: ее знаютъ только люди³⁾.

¹⁾ См. у Radbruch, l. cit.

²⁾ l. cit. S. 106.

³⁾ l. cit. S. 105.

Итакъ, способность истреблять себѣ подобныхъ представляетъ исключительную привилегію человѣческаго рода...

Печальная привилегія! Но, можетъ быть, она все же неизбежный законъ природы, единственно способный вести человѣчество къ дальнѣйшему усовершенствованію?

Останемся пока въ той же плоскости, въ которой оперируютъ разсматриваемые нами «соціологи», и спросимъ ихъ, дѣйствительно ли войны между людьми всегда дѣйствуютъ въ смыслѣ отбора и переживанія лучшихъ?

И, къ нашему удивленію, мы у нихъ же найдемъ отвѣтъ отрицательный. Въ современныхъ условіяхъ именно лучшіе элементы народа, наиболѣе сильные и здоровые, подвергаются всѣмъ опасностямъ войны и наибольшему истребленію. Самъ Ратценгоферъ вынужденъ признать, что при современной организаціи военной обороны войны являются факторомъ не прямого, а обратнаго отбора — отбора худшихъ.¹⁾ И такое дѣйствіе войны не можетъ быть никакимъ образомъ предотвращено: разъ существуетъ война, участіе въ ней всегда будетъ требовать изъ рядовъ націи всего того, что въ ней есть наиболѣе сильнаго, ловкаго и выносливаго. Вслѣдствіе этого, справедливо заключаетъ напр. Chatterton-Hill²⁾. война неизбежно должна приводить къ біологическому регрессу народа, а слѣдовательно и человѣчества.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что «соціологическія» предпосылки нашего ученія рассыпаются прахомъ. Если борьба за существованіе вообще является факторомъ прогресса и улучшенія человѣческаго рода, то борьба людей между собой, ихъ взаимныя войны являются причиной регресса и ухудшенія. Печальная привилегія человѣческаго рода по сравненію съ животными оказывается его проклятіемъ. То, что Мольтке называлъ «членомъ въ порядкѣ Божьяго мірозданія», оказывается скорѣе «членомъ въ порядкѣ сатанинскаго навожденія».

Но это тяжкое заблужденіе далеко не единственный порокъ разсматриваемаго міросозерцанія.

Говоря о томъ, что борьба силъ, война, производитъ отборъ лучшихъ индивидовъ и націй, это міросозерцаніе исходитъ изъ нѣкотораго аксіоматически принятаго представленія о лучшемъ: лучшее — то, что наиболѣе сильно, что наиболѣе пригодно для борьбы въ этомъ опредѣленномъ отношеніи. Лучшимъ экземпляромъ человѣческаго рода рисуется лучший воинъ, лучшимъ государствомъ — наиболѣе сильное и вѣдуще-могущественное.

¹⁾ l. cit. S. 72.

²⁾ Individuum und Staat. 1913. S. 27.

Но точно ли все это должно быть признано лучшим? Не подлежит сомнѣнію, что съ военной точки зрѣнія любой унтеръ-офицеръ представляетъ ббльшую цѣнность, чѣмъ Шекспиръ или Шиллеръ, Рафаэль или Бетховенъ; но точно ли онъ цѣннѣе ихъ съ точки зрѣнія обще-человѣческой и обще-культурной? Не подлежитъ сомнѣнію, что съ точки зрѣнія силы Спарта стояла выше Афинъ, но кто изъ нихъ далъ ббльшую сумму цѣнностей для обще-человѣческой культуры?

Вопросъ о томъ, что есть лучшее, въ чемъ состоитъ критерій человѣческаго прогресса, можетъ быть рѣшенъ только въ зависимости отъ такого или иного этического міросозерцанія. Разсматриваемое же ученіе въ этомъ отношеніи виситъ совершенно въ воздухѣ безъ всякаго фундамента. Оно аморально.

Не трудно замѣтить, что все это ученіе представляетъ своеобразную копию ницшеанства. «Wille zur Macht» является общимъ лозунгомъ того и другого. Если Ницше идеаломъ человѣческаго развитія ставилъ появленіе нѣкотораго «сверхъ-человѣка», то наше ученіе проповѣдуетъ какое-то «сверхъ-государство»: недаромъ напр. Stahl требовалъ отъ націи, чтобы она въ своемъ могуществѣ была подобна богатырю («in ihrer Macht als ein Held sich bewähre»)¹⁾. Если Ницше съ презрѣніемъ говорилъ о христіанской «морали рабовъ», то представители разсматриваемаго ученія съ немалымъ презрѣніемъ говорятъ о гуманности вообще, какъ о какихъ-то сантиментальныхъ бредняхъ «женщинъ обоого пола».

Есть, однако, существенная черта, которая отличаетъ это ученіе отъ философіи Ницше: въ немъ нѣтъ той глубоко-трагической ноты, которая слышится въ этой послѣдней, нѣтъ той обще-человѣческой тоски, которая такъ характерна для Ницше. Если разсматриваемое ученіе ницшеанство, то ницшеанство вульгарное, перенесенное съ горныхъ высотъ, гдѣ, рождая свое ученіе, мучился Ницше, въ плоскія стѣны военныхъ казармъ.

Провозглашая, что для государства высшимъ закономъ являются только его интересы и его могущество, что иного закона для государства нѣтъ, это ученіе проповѣдуетъ для междугосударственныхъ отношеній полнѣйшій анархизмъ. Какъ совершенно справедливо отмѣчаетъ Radbruch²⁾, при такомъ воззрѣніи сожителство народовъ есть не что иное, какъ тотъ «Verein der Egoisten», о которомъ мечталъ Максъ Штирнеръ.

Но въ то же время для отношеній внутри государства нѣтъ болѣе нетерпимыхъ враговъ анархизма, чѣмъ представители на-

¹⁾ См. у Radbruch, l. cit. S. 127.

²⁾ l. cit. S. 136.

шого ученія. Такъ напр. тотъ же Ратценгоферъ настойчиво совѣтуетъ правительству противъ всякихъ социалистическихъ или анархическихъ «поползновеній черни» заблаговременно прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, помня, что одинъ хорошій выстрѣлъ въ самомъ началѣ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ запоздалыя кровавыя бани¹⁾).

Имъ нужна безграничная государственная власть, нужна желѣзная дисциплина. Индивидъ для нихъ только рядовой громадной арміи, обязанный къ безпрекословному повиновенію командѣ.

Они не замѣчаютъ того вопіющаго противорѣчія, въ которомъ находятся другъ къ другу обѣ половины ихъ ученія. Если, въ самомъ дѣлѣ, борьба между народами и война является благотворительнымъ факторомъ прогресса, если въ самомъ дѣлѣ такимъ путемъ совершается отборъ лучшаго, то какъ не допустить тогда такой же борьбы, такого же анархизма и внутри государства между отдѣльными индивидами? Анархизмъ во внѣшнихъ отношеніяхъ логически влечетъ за собой анархизмъ внутри и наоборотъ; никакого раздвоенія здѣсь быть не можетъ. Недаромъ Ницше, проповѣдникъ могущественнаго «сверхъ-человѣка», былъ въ то же время жесточайшимъ ненавистникомъ всякаго государства.

Такимъ образомъ, все это ученіе представляетъ смѣсь непровѣренныхъ предпосылокъ, логическихъ ошибокъ и внутреннихъ противорѣчій. Это обманъ, думающій ошеломить мысль мнимой наукою, усыпить народную совѣсть нравственными софизмами.

Но этотъ обманъ заключаетъ въ себѣ нѣчто искусительное, въ особенности для тѣхъ, кто имѣетъ шансы стать побѣдителемъ, а еще болѣе для тѣхъ, кто уже вкусилъ сладость побѣды. Ученіе о томъ, что сила есть высшій законъ бытія, освобождаетъ отъ послѣднихъ этическихъ сдержекъ, отмечаетъ послѣднее душевное безпокойство. Будь сплень — ты творишь Божіе предназначеніе!...

Однако, этотъ обманъ имѣетъ и свою собственную психологическую трагедію. Давая на первыхъ порахъ какъ-будто нѣкоторое душевное успокоеніе, онъ является затѣмъ источникомъ новаго и гораздо худшаго безпокойства. Какъ ядовитый наркозъ, онъ вноситъ въ душу отраву и разрушеніе.

Побѣда силы даетъ ея обладателю упоеніе торжества. Но, испытавъ это упоеніе, побѣдитель на немъ остановиться не можетъ; ему хочется все новыхъ и новыхъ побѣдъ, а такъ какъ міровая арена широка, то эта жажда побѣдъ приобрѣтаетъ характеръ ненасытмости. Какъ Александръ Македонскій, какъ Аттила, какъ

¹⁾ Sociologie. S. 110.

Наполеонъ, онъ гонится все дальше и дальше въ какомъ-то безпокойствѣ безумія, и нѣтъ момента, когда бы онъ могъ сказать: теперь довольно.

Съ другой стороны, зная, что онъ защищенъ только своей силой, онъ бессознательно начинаетъ трепетать передъ всякой другой силой. Все окружающее начинаетъ возбуждать въ немъ безпокойство; всякіе признаки зарожденія новой силы или развитія старой поселяютъ въ немъ тревогу и выводятъ его изъ состоянія душевнаго равновѣсія. Онъ ждетъ отовсюду мщенія и предательства, постоянно дрожитъ за свое господство и существованіе. Какъ призраки воспаленнаго воображенія, со всѣхъ сторонъ обступаютъ опасности, и при малѣйшемъ шорохѣ жизни рука судорожно хватается за мечъ...

Хорошо извѣстна подобная личная трагедія всѣхъ тѣхъ, кто добился власти путемъ насилія или преступленія, всѣхъ разнообразныхъ тирановъ различныхъ временъ и народовъ. Но такая же трагедія можетъ поражать и цѣлыя государства.

Именно ее мы наблюдаемъ въ исторіи Германіи за послѣднія 40 лѣтъ, послѣ ея головокружительныхъ побѣдъ надъ Даніей, Австріей, а въ особенности надъ Франціей въ 1870—71 г. Хмѣль этихъ побѣдъ бросился въ голову нѣмцевъ и въ теченіе короткаго времени совершенно измѣнили эту націю философовъ, ученыхъ и поэтовъ. Конечно, и философія, и наука, и поэзія сохранились въ ней, но надо всеѣмъ этимъ появилось нѣчто новое. Уноеніе торжествующаго побѣдителя отравило національный характеръ, создавъ въ немъ преклоненіе передъ внѣшнимъ могуществомъ и вооруженной силой. Въ моментъ высшаго торжества германской силы, надъ поверженнымъ и поруганнымъ тѣломъ Франціи, родилась Германская Имперія, и такое рожденіе предопредѣлило весь ея дальнѣйшій характеръ. Въ моментъ насилія родилась она и естественно, что силу провозгласила она своимъ лозунгомъ; милитаризмъ сталъ ея основною тенденціей. Жажда могущества, жажда власти гнала ее по этому пути все дальше и дальше, заставляя все приносить въ жертву молоху вооруженій.

А вмѣстѣ съ тѣмъ стала развиваться и та внутренняя трагедія, о которой только что было сказано.

Испытавъ уноеніе побѣдителя и постоянно гипнотизируя себя мыслью о своей непобѣдимости, Германская Имперія стала до крайности ревниво относиться къ своему международному положенію. Того вліянія, которымъ она пользовалась, ей стало казаться мало; ей нужно было все большаго и большаго, и міръ все чаще и чаще сталъ слышать германскіе «удары кулакомъ по столу».

Параллельно развивалась крайняя подозрительность. Уже захватъ Эльзаса и Лотарингіи явился постояннымъ источникомъ опасеній реванша со стороны Франціи. Дальше стали чудиться опасности съ востока и создалась легенда о провиденціальной враждѣ между германствомъ и славянствомъ. Малѣйшіе признаки успленія съ той или другой стороны, даже простой естественный приростъ населенія, заставляли терять душевное равновѣсіе и думать о заблаговременномъ уничтоженіи этой растущей силы.

Напряженное состояніе міра росло; положеніе сдѣлалось совершенно невыносимымъ, и достаточно было какого-нибудь маленькаго толчка, чтобы разразилась катастрофа. И вотъ въ одинъ моментъ, по слову одного единственнаго человѣка, пали всѣ соціальныя связи между двумя группами народовъ и всѣ культурныя цѣнности брошены подъ ноги слѣпой физической силѣ!

Но чувствуется, что этому долженъ быть положенъ конецъ. Самая громадность нынѣшней войны ставитъ передъ человѣческимъ сознаниемъ во весь свой ростъ вопросъ объ освобожденіи отъ гнетущаго міръ кошмара. Довольно съ насъ этого господства силы: оно влечетъ за собой не только біологическій, но и этический регрессъ человѣчества. Довольно съ насъ всякаго милитаризма, насильственнаго угнетенія одной націи другой; надо признать право всякой изъ нихъ, даже самой маленькой, на существованіе. Довольно съ насъ международнаго анархизма; жизнь человѣчества должна быть построена на разумныхъ и нравственныхъ началахъ...

Но достаточно ли для всего этого побѣдить Германію? Думаемъ, что нѣтъ: ибо какая польза міру, если будетъ сокрушенъ милитаризмъ Германіи, но взамѣнъ его возникнетъ воинствующій милитаризмъ Франціи, Великобританіи или Россіи? Пройдетъ короткое время, и прежняя тревога за спокойное существованіе возникнетъ снова, и снова міръ будетъ жить подъ Дамокловымъ мечомъ еще болѣе ужасной войны.

Тотъ врагъ, котораго надо побѣдить, не Германія, какъ таковая, а нѣчто большее и универсальное. Это — описанное выше міросозерцаніе и прикрывающійся имъ біологическій (чтобы не сказать — зоологическій) націонализмъ съ неизбежно присущими ему насильническими тенденціями. А этотъ врагъ не только въ Германіи. Ибо надо быть справедливыми: если въ послѣднее время центромъ культа силы, центромъ милитаризма, была Германія, то нельзя сказать, чтобы и другія страны, даже тѣ, которыя въ настоящее время съ нею воюютъ, были совершенно чисты въ этомъ отношеніи. Отъ поры до поры вездѣ наблюдаются вспышки того же милитаризма, имперіализма, шовинизма и другихъ тому подоб-

ныхъ явленій, и при благопріятныхъ условіяхъ эти вещишки легко могутъ разгорѣться въ огромный пожаръ.

Такимъ образомъ, надо побѣдить врага не только внѣ насъ, но и въ насъ самихъ. Если тамъ, на поляхъ сраженій, пытаются дать отпоръ насилію оружіемъ, то мы здѣсь должны бороться съ нимъ нравственнымъ оздоровленіемъ общественной атмосферы. Театръ нынѣшней войны гораздо шире и глубже его географическихъ границъ; невольно вспоминаются слова Достоевскаго: «это дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы — сердца людей».

Вѣрится въ конечную побѣду надъ нынѣшнимъ виѣшнимъ врагомъ, но надо, чтобы эта виѣшняя побѣда завершилась побѣдой внутренней — въ сердцахъ людей всего міра. Пусть нынѣшняя война явится рѣшительнымъ переломомъ отъ силы къ праву; пусть за временемъ ожесточенія и разрушенія наступитъ время примиренія и радостнаго общечеловѣческаго творчества — то время, когда каждый готовъ будетъ воскликнуть словами стараго гуманиста временъ реформаціи:

«Es ist die Lust in dieser Zeit zu leben!»

И. Покровскій.

02873553

ЮФ СПбГУ